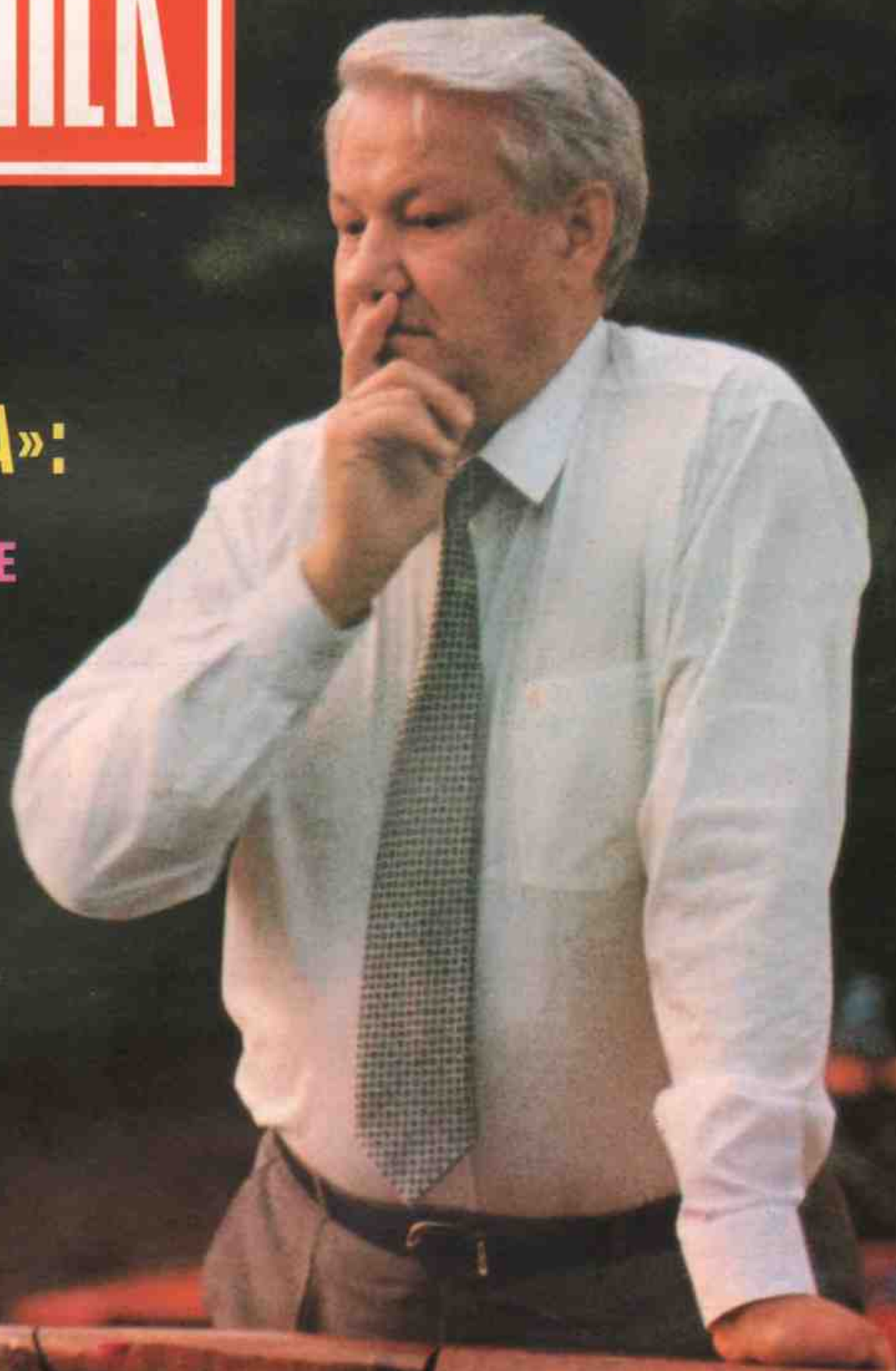

ОГОНЕК

«ЗАПИСКИ ПРЕЗИДЕНТА»:

В ЭТОМ НОМЕРЕ
МЫ НАЧИНАЕМ
ПУБЛИКАЦИЮ
ГЛАВ
ИЗ НОВОЙ
КНИГИ
БОРИСА
ЕЛЬЦИНА

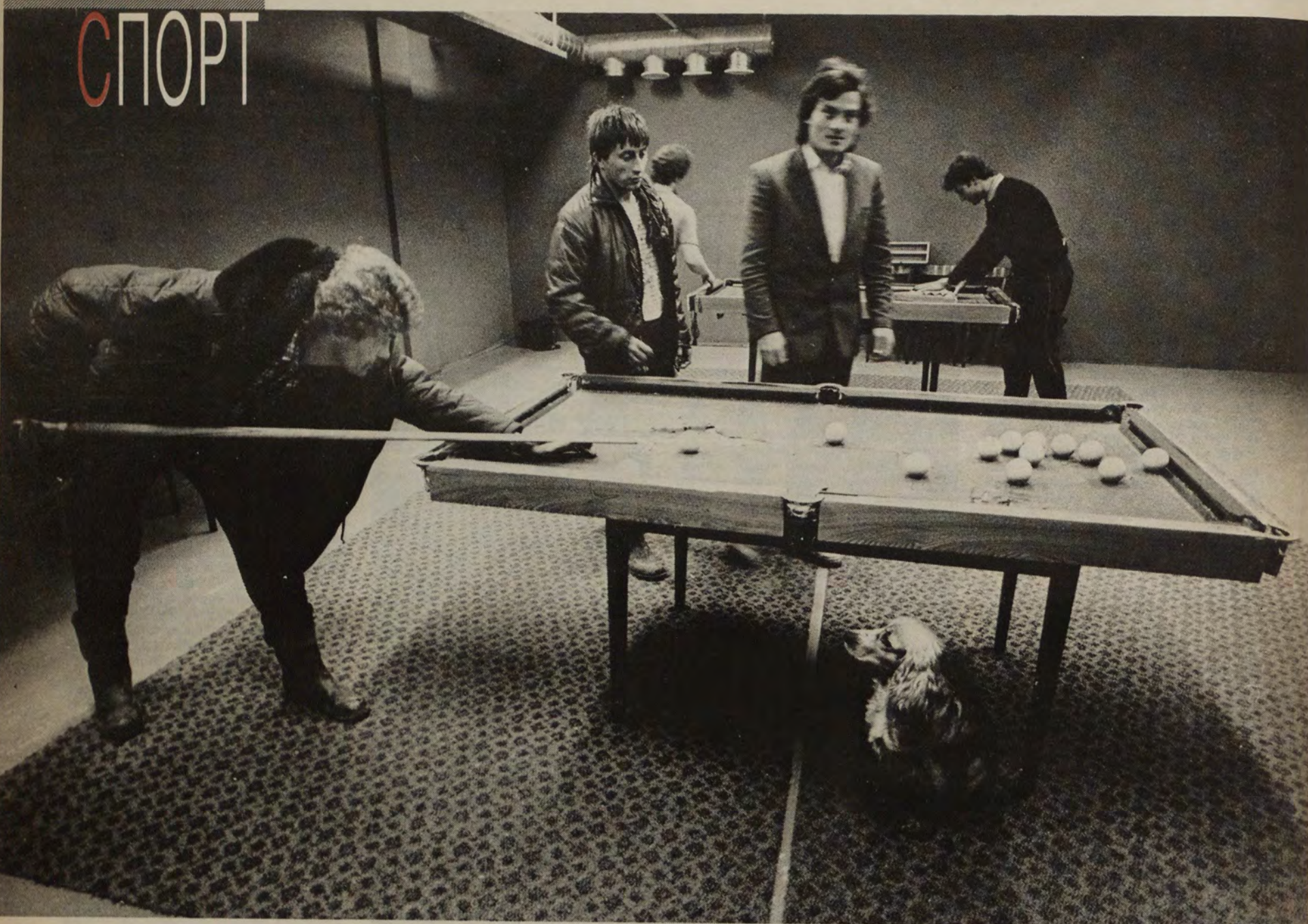

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ЛЕВША

Анатолий РОЗОВСКИЙ *

Года три назад один знакомый затащил меня в бильярдную спортклуба «Крылья Советов», где проходил турнир по американке. Поскольку состояние здоровья не позволяло самому взять в руки кий, мне оставалось только наблюдать за играющими, что я и делал, переходя от стола к столу. Вдруг вся бильярдная как-то разом встрепенулась, и — из уст в уста — пронеслось: «Левый, Левый...»

«Левый», он же «Левша», — это Анатолий Михайлович Басов. Издавна в бильярдных игроках знали по прозвищам, хотя в глаза по ним не называли. Скажем, выдающийся мастер русской пирамиды Николай Иванович Березин был известен как «Бейлис», его главного соперника Василия Евдокимовича

Кочеткова прозвали «Бузулуцким». Чему обязан Басов своим «вторым именем», наверное, объяснять не надо: среди бильярдистов играющие левой рукой встречаются много реже, чем, к примеру, сказать, между теннисистами. Внезапный же интерес к нему со стороны всех посетителей бильярдной был вызван тем, что ему удалось «сделать билью», то есть выиграть партию, положив восемь шаров подряд.

Это раньше, когда бильярд в России переживал эпоху расцвета, никого не удивляло, если Николай Иванович Ефимов («Заика») разбивал пирамиду и «с кия» заканчивал партию, не давая партнеру возможности сделать хотя бы один удар. Сегодня подобное — большая редкость. Тем паче в турнирной игре, где ответственность за каждый произведенный удар является дополнительным источником возможных ошибок.

То, что 8 шаров положил именно Анатолий Михайлович, лично меня несколько не удивило. Необыкновенные вещи происходят только с необыкновенными личностями. Наверняка вам приходилось сталкиваться с людьми, к которым вы с первого взгляда начи-

нали питать ничем не объяснимую, но безграничную симпатию. Однажды в южном санатории я встретил такого человека, которого любили все — в особенности дети, ходившие за ним толпой. Как-то вышел он на балкон покурить и с высоты громадного своего роста уронил не зажженную еще сигарету, которая — видел собственными глазами — упала на пол СТОИМЯ. И то, что случилось это именно с ним, почему-то казалось естественным и логичным.

Впрочем, мы отвлеклись. Наш разговор — о бильярде и, в частности, об Анатолии Михайловиче Басове, человеке необыкновенном.

Если в двух словах попробовать объяснить, в чем же эта необыкновенность заключается, можно сказать так: он страстно любит игру на бильярде. Все остальное — следствие этой любви. Да и само увлечение бильярдом для наших дней не характерно — не сравнить с тем, что было еще несколько десятилетий назад.

Своего рода геноцид по отношению к бильярдному спорту, начавшийся вскоре после войны и достигший апогея в 80-е годы, привел к тому, что ныне,

когда бильярд официально восстановлен в своих правах и создана Федерация бильярда России, любое проявление «легальности» любимой игры воспринимается ветеранами русского бильярда и даже игроками более молодого поколения как некое чудо. Недавно я был свидетелем тому, как газетную заметку о Василии «Бузулуцком» переписывали от руки двое любителей бильярда из Рязани, приехавшие на один из московских турниров. А когда мне довелось опубликовать статью о чемпионате мира по московской пирамиде (иначе ее называют сибиркой) и его победителе Викторе Кузнецове (по прозвищу «Д'Артаньян»), чемпион был до того расстроган, что в благодарность подарил мне ксерокопию уникального сочинения о бильярде. Его автор — ныне покойный Илья Бургункер, участник (начиная с 1936 года) соревнований по бильярду в составах команд «Строитель» и «Спартак», член судейской коллегии многих турниров. Рукопись датируется 1978 годом. Хотя к тому времени и существовала литература о бильярде (нельзя не упомянуть единственное послереволюционное издание — «Бильярдный спорт» Владими-

* Анатолий Григорьевич РОЗОВСКИЙ — ветеран бильярдного спорта, участник многочисленных турниров, финалист первенства Москвы среди ветеранов 1989 года.

Игра быстро прижилась на русской земле, правда, долгое время оставалась привилегией высшей аристократии. В свое время лучшим игроком считался фаворит Екатерины II граф Орлов, а его основным соперником — М. В. Ломоносов.

ра Иванова Гофмейстера, который любил повторять: «Попомните мои слова — эта книга станет раритетом», — и, как ни печально, оказался прав), записи Бургункера, конечно, не имели ни малейшего шанса быть изданными, и, думаю, даже те, кто занимался ксерокопированием рукописи, сильно рисковали. Сейчас сохранилось всего несколько копий этого бесценного труда, чрезвычайно любопытного даже для опытных бильярдистов, не говоря уж о тех, кто имеет об игре лишь поверхностное представление.

Вот что пишет Бургункер, например, о лучшем игроке последнего столетия Льве Николаевиче Зайцеве (1867—1919):

«Он был любимцем московской интеллигенции и купечества. Многие специально приходили наблюдать за его игрой, так же, как сейчас болельщики посещают хоккейные или футбольные матчи. Л. Н. Зайцев был очень общителен, шутил во время игры и, хотя в те времена мог при своей высокой игре нажить состояние, был бесребреником...

Граф Шереметев, сам очень сильный игрок, приглашал Левушку к себе домой, где у него стоял бильярд «Шольц», сыграть две-три партии. Граф предупреждал Левушку: играть серьезно!

Вне зависимости от исхода игры Шереметев платил Левушке за сеанс 100 рублей, но если изредка граф выигрывал партию, то Левушка должен был на другой день в ресторане «Волна», где собирались игроки, заявить: вчера играл с графом — сыграли три партии, одну проиграл на равных!»

Или — из воспоминаний о В. В. Маяковском:

«Владимир Владимирович Маяковский играл только в американку и только «на интерес». Игра у него была для любителя приличная, но по сравнению с такими мастерами американки, как Заика, Гаев, Курочкин и Адлер, была ниже на 3—4 шара.

А вот Глушков был профессиональным литератором-юмористом и к тому же заведовал бегом и бильярдных. Играл он также в американку.

Осенью 1929 года в бильярдной большой Московской гостиницы, где часто играли поэты Маяковский, Уткин, Жаров, Светлов и другие, я наблюдал «сражение» Маяковского с Глушковым. Сначала Маяковский вел 3—0, затем Глушков также положил три шара. Стало поровну — 3—3, и Глушков бросил реплику:

— Владимир Владимирович, идем голова в голову! (Беговой термин, когда лошади бегут рядом.)

Маяковский отвечает:

— Только головы разные!

И снова реплика Глушкова:

— Я тоже так думаю!»

Особая заслуга Бургункера в том, что он по собственным наблюдениям и рассказам очевидцев составил таблицу, примерно отражающую класс игры бильярдистов разных поколений, начиная с 1890-х годов. На первой ее строке — Л. Н. Зайцев. Далее идут Н. И. Березин, Павлич, В. Е. Кочетков, Н. В. Кобзев (плюс пять очков условной форы при игре в большую русскую пирамиду — до 71 очка). И лишь после них — лучший из современных нам игроков — Ашот Потикян (+ 7—8 очков условной форы).

Кроме того, очень ценны приводимые Бургункером сведения по истории бильярда и производства бильярдных столов в России, часть которых использована при подготовке данного очерка.

Бильярд в Россию был завезен еще Петром Первым. Игра быстро прижи-

лась на русской земле, правда, долгое время оставалась привилегией высшей аристократии. В свое время лучшим игроком считался фаворит императрицы Екатерины II граф Орлов, а его основным соперником — основатель Московского университета М. В. Ломоносов. Бильярд был неслучайно принадлежностью всех лучших клубов (в Москве к таковым относились «Артистический кружок» и «Охотничий клуб»), членами которых состояли знаменитые деятели русской культуры. С XIX века бильярдные получают широкое распространение в гостиницах, офицерских и дворянских собраниях, а ко времени отмены крепостного права становятся непременными атрибутами ресторанов, трактиров и постоялых дворов.

В бильярде, как и во многом другом, Россия шла своим путем. Пирамида и американка — исконно русские игры, и столы для них отличаются от тех, на которых играют, скажем, в снукер, пул или карамболь. Правда, до середины XIX века единых норм для изготовления столов не существовало. «Конструктором» русского бильярда называют Анатолия Ивановича Фрейберга, владельца бильярдной фабрики в Петербурге, предположившего применяемые и донныне формы, размеры и технологию изготовления столов, а также геометрию лузы, увязанную с размерами и профилем бортов.

В начале XX века столы для русских игр изготавливались фабриками Фрейберга, Шольца, Гоца, Шульца, мастерскими Трофимова и Зазулина в Москве (которые занимались также капитальным ремонтом бильярдных, врезая в короткий борт свои фирменные таблички), Дагиса в Одессе, Ерыкалова в Петербурге. Хорошие столы стоили дорого, однако спрос на них все возрастал.

Традиции изготовления высококачественных столов были утрачены вскоре после революционных событий 1917 года. Начавшие выпуск новых бильярдных мастерские в Люберцах, Ростове и Минске, по сути, не имели возможности делать хорошие столы из-за прекращения импорта графитовых досок и натуральной резины для бортов. Этим-то бильярдному спорту и был нанесен непоправимый урон. Прежде всего играющим на «новых» столах просто невозможно было показывать игру высокого класса. В послевоенные годы бильярд как организованный вид физкультуры и спорта и вовсе перестал существовать: одна за другой закрывались бильярдные под предлогом, что-де они стали «притонами» для преступного элемента, в то время как немногие сохранившиеся столы старых мастеров «расползались» по дачам членов правительства и высоких партийных чинов. Анатолий Михайлович Басов, занимавшийся ремонтом бильярдных, рассказывал, что уникальные экземпляры ему доводилось видеть и восстанавливать в Сухуми, в «зоне отдыха» работников Совмина республики.

Именно этому человеку суждено было стать если не продолжателем «дедовских» традиций, то, во всяком случае, создателем своих собственных. В течение пятнадцати лет он реставрировал старинные столы русских мастеров — столы превосходного качества, но практически развалившиеся: у одних не хватало ножек, у других — бортов... Параллельно он не оставлял мысль создать новое поколение русских столов. И создал. Сначала — на бумаге: чертил по выходным дням. Затем — в гараже, в деревенском сарае конструировал, изготавливал, совершенствовал, не имея подчас ни материала нужного ка-

чества, ни точного оборудования. Наконец, в феврале 1988 года появился на свет первый стол модели А. Басова. Оценить его качества приехал в Москву президент Международной ассоциации бильярда Андре Ганье. Вслед за ним приезжали другие, смотрели и удивлялись. Представитель одной английской фирмы, всемирно известного производителя бильярдных столов, усомнился в том, что Басов работал здесь, в России.

— Он мне прямо так и заявил, — рассказывает Анатолий Михайлович, — не верю, мол, что такой стол можно было сделать в ваших условиях. А я ему отвечаю: однажды англичане подарили русскому царю блоху из вороненой стали в натуральную величину, а внутри нее — завод и пружина (переводчику говорю: переводите дословно!), а царь отдал блоху тульскому Левше. И когда англичане ту блоху обратно получили, она подкована была, да на каждой подковке имя русского мастера написано.

Имя Басова написано на столах его собственного производства. Суть новаторской идеи в том, что вместо традиционных графитовых (аспидных) досок Басов использует металлоконструкции. Таким образом, центр тяжести стола находится не в самой плите, а в ножках, что делает его устойчивее. Стоят столы в бильярдном клубе «Алеко», что во Дворце спорта АЗЛК.

Кстати, создание этого клуба — также заслуга Анатолия Михайловича. При его содействии в марте 1988 года на ледовой арене Дворца АЗЛК был проведен первый международный чемпионат по бильярду в нашей стране. Решающая роль в том, что турнир состоялся, принадлежит бывшему генеральному директору объединения «Москвич» В. П. Коломникову, ныне покойному. Именно он одним из первых предоставил помещение для соревнований бильярдистов и выделил средства на проведение чемпионата. На турнир приехали известные зарубежные мастера, в числе прочих финн Антти Саари, восхитивший всех невиданной у нас раньше манерой игры.

Здесь необходимо небольшое пояснение. Русский стиль игры в пирамиду можно охарактеризовать как академичный. Важно не столько положить шара, сколько сделать отыгрыш — поставить «свой» шар так, чтобы не дать сыграть партнеру в случае собственного промаха. Говорят: «свой» должен быть у «Шульца», то есть у короткого борта, на котором обычно врезается табличка фирмы-производителя (интересно, будут ли когда-нибудь говорить: «свой» должен быть у «Басова»?). Саари продемонстрировал иной стиль, если можно так сказать, остроатакующий, играя подчас крайне рискованно, но зато очень зрелищно.

— С этого чемпионата все и началось, — продолжает Басов. — Заводчане сами не поняли, что произошло. Они заразились бильярдом и даже не заметили, что это мы их заразили. Они пригласили меня на разговор к директору спортивно-оздоровительного комбината, который предложил мне организовать бильярдный клуб. И вот весной 1989-го на заводе закипела работа. В восьми подразделениях завода были открыты заказы на изготовление полуфабрикатной продукции для бильярдных столов. Испытательным полигоном стал зал теперешнего клуба, где основные работы по подготовке помещения, доводке столов до кондиции, а также их сборке велись вручную.

«Ручную» часть работы Анатолий Михайлович выполнял сам вместе с двумя

помощниками по столярной части. Три года без выходных по 14 часов в сутки. Зато сейчас спортивно-бильярдный клуб «Алеко» — один из лучших в Европе. Здесь регулярно проводятся международные соревнования, работают детские секции спортивного бильярда.

За три года было создано 15 столов международного стандарта пяти разновидностей: русский классик, снукер, пул, карамболь и детский спортивный стол. Клуб посетили более 15 делегаций иностранных бильярдных фирм. Специалисты единодушно отмечали смелость мысли в конструкции столов, в выборе материалов, простоту сборки, точность изготовления, надежность в эксплуатации. Между прочим, за один стол работы Басова предлагают два, сделанных на Западе, цена каждого из которых измеряется десятками тысяч долларов. Несмотря на горячее желание зарубежных гостей приобрести басовские изделия, Анатолий Михайлович неизменно отвечает отказом. Во-первых, считает он, через год они будут стоить гораздо дороже, а во-вторых, у нас самих сейчас столов не хватает.

Столов, изготовленных русскими умельцами конца XIX — начала XX века, в России осталось — пересчитать по пальцам. Секреты их создания навсегда ушли вместе с авторами. Что ожидает столы А. М. Басова?

— Ко мне приходят люди из коммерческих предприятий, которые, услышав о цене моих столов, готовы сейчас же начать их изготовление. Цена действительно высока, но, когда я популярно объясняю им, каковы затраты труда и средств и что разница между стоимостью готового изделия и затратами на него невелика, их энтузиазм сразу пропадает.

Правда, как минимум один продолжатель у дела Басова есть. Это его дочь Светлана. «Совала нос в мои чертежи, еще когда училась в школе», — говорит Анатолий Михайлович. Сейчас Светлана Анатольевна закончила институт, защитив диплом по организации производства бильярдных столов. Басов: «У дочери мой упрямый характер». Так что, будем надеяться, налаживание серийного производства столов нового поколения не за горами.

В принципе такое производство существует и сегодня. Но столы, выпускаемые минской фабрикой (которая к тому же оказалась теперь за пределами России), имеют облегченную конструкцию и не отвечают требованиям международных стандартов. Не говоря уже о том, что эти бильярды никак не назовешь произведениями искусства, какими должны быть настоящие бильярдные столы.

Все-таки любопытно: «Левшой» Басова прозвали задолго до того, как он свой стол сделал. Напророчили?